ВОЙДИ

Юрий Буреве

эротика
мистика

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Юрий Буреве

Войди

«Автор»
2026

Буреве Ю.

Войди / Ю. Буреве — «Автор», 2026

Шесть секунд. В эти мгновения город словно замирает. Она уже здесь: под фонарём, в наушниках, в твоей квартире. У неё идеальное тело и запах, которому невозможно подобрать название. Мужчины уходят к ней один за другим и исчезают навсегда.Дмитрий знает: она забрала его друга. И ещё одно: каждый раз, когда город погружается в тишину, его тело не стремится убежать, а наоборот — хочет остаться. Хочет её. Хочет того, что стирает всё остальное.Единственная правда спрятана под люком, в камере с полом теплее, чем асфальт. Но та, кого он желает до дрожи в коленях, запрещает ему туда идти. Чем сильнее запрет, тем сильнее желание.Темнота здесь — не просто отсутствие света. Это дверь, которая ждёт, когда ты пригласишь её войти.

© Буреве Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний звук 5
Глава 2. Пустое место за столом 8
Глава 3. Ночная пауза 10
Глава 4. Учёные степени 12
Глава 5. Проявитель 14
Глава 6. Сохранить голос 16
Глава 7. Приглашение 18
Глава 8. Портрет без даты 20
Глава 9. Разговор у окна 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Юрий Буреве
Войди

Глава 1. Последний звук

Клуб располагался в бывшем кинотеатре. На месте экрана теперь светилась стена из двенадцати панелей. На них без конца повторялось замедленное видео: море и песок, снятые крупным планом, так что вода напоминала чужую кожу. Бас шёл откуда-то снизу, из-под пола, и казалось, здание дышит глубоко и ровно, как огромное спящее существо. Говорить здесь было сложно: люди общались жестами, наклоном головы или прикосновением ладони к плечу.

Свет был жестоким. Узкие красные полосы, похожие на прорези, скользили по залу, выхватывая лица. На мгновение каждый оказывался как на ладони: поры, зрачки, следы усталости — всё, что обычно терялось в полумраке. Потом темнота снова скрывала человека, прощая ему все недостатки. В темноте все казались красивыми — в этом заключался главный соблазн заведения. За деньги здесь покупали не напитки, а возможность быть красивым и остаться неузнанным.

Длинная барная стойка тянулась вдоль стены. В её отполированной поверхности отражались бутылки; их, казалось, было больше, чем посетителей. Бармены двигались плавно и неторопливо, хотя за этой грацией угадывалась усталость. Они были единственными, кто здесь не прятался. Подсвеченные снизу напитки отливали янтарём или мутнели, будто в каждом что-то утонуло и не всплыло.

Посетители сидели близко друг к другу. Теснота здесь была не помехой, а условием: ножки чужих стульев задевали твой стул, локти почти касались твоих, и никто не извинялся. Воздух был густ от запахов спиртного, пота, дорогого табака и мокрых пальто у входа. Всё сливалось в плотный, привычный фон. Звуки тоже смешивались: смех прорывался сквозь музыку и тут же тонул в ней, словно его поглощали стены.

Музыка здесь не прекращалась. Треки плавно перетекали один в другой, и казалось, играет одна и та же запись, поставленная давным-давно. У ночного заведения нет начала — оно просто продолжается. Люди приходят сюда посреди ночи, а потом не уходят, а перестают попадаться на глаза.

Стены были тёмными, матовыми, с пятнами, похожими на отпечатки ладоней. Вдоль них стояли продавленные диваны; люди сидели на них так, будто никогда не собирались вставать. На танцполе двигалась плотная масса тел: они не танцевали, а мерно покачивались, как трава под ровным ветром. В этом было что-то единое, стадное и тревожное: если один решит шагнуть, все последуют за ним.

Двое поднялись из гардероба по лестнице и прошли сквозь тяжёлую бархатную штору. Темнота обволокла их, как тёплая вода: сначала поглотила, потом будто принялась изучать. Первый оглядывался, словно зашёл случайно и уже хотел уйти. Второй искал взглядом кого-то, кого не мог назвать или показать.

В клубе было слишком громко для разговора, но Дмитрий Воронцов всё равно услышал, как Павел Климов замолчал посреди фразы.

— Я вчера хотел тебе сказать, что…

Павел смотрел мимо него, на женщину у стойки. Она стояла вполоборота, положив ладонь на край столешницы, и ждала, пока бармен нальёт ей воды. В ней было что-то притягательное: спокойное лицо, открытая шея, уверенность человека, которому не нужно проверять, смотрят ли на него. Дмитрий поймал её взгляд и первым отвернулся.

Они с Павлом не виделись несколько месяцев. Переписывались редко и коротко, будто оба были заняты, хотя Дмитрий знал: дело не только в этом. Раньше Павел мог прийти к нему среди ночи с неисправной кассетой или просто с плохим настроением. Дмитрий ставил чайник, и они сидели у компьютера, пока за окном не начинали ходить первые автобусы. Потом Дмитрий всё чаще отвечал: «Позже». Павел перестал спрашивать.

Сегодня друг сам предложил встретиться. Теперь он сидел напротив с недопитым бокалом и то и дело поглядывал на телефон, хотя экран оставался тёмным.

— Что ты хотел сказать? — спросил Дмитрий.

— Уже не помню.

Павел попытался улыбнуться. Улыбка исчезла прежде, чем Дмитрий успел сделать вид, что поверил.

Вчера Павел прислал ему звуковой файл без пояснений. Дмитрий занимался реставрацией записей и привык к подобным просьбам: убрать шум, разобрать слова сквозь треск, вытащить из старой плёнки то, что, казалось, пропало навсегда. Но этот файл он ещё не открыл. Увидел сообщение поздно и отложил до утра, а утром Павел позвал его в клуб.

— Я послушаю запись сегодня, — сказал Дмитрий.

Павел наклонился ближе. Его тихий голос Дмитрий не сразу расслышал сквозь басы.

— Сохрани её. Сделай копию. И полиции не отдавай.

От Павла пахло дождём и чем-то терпким, незнакомым. Дмитрий заметил, как сильно тот сжимает бокал.

— Какой полиции?

— Просто пообещай.

— Паша, что случилось?

Павел отвёл глаза. Женщина у стойки уже смотрела на него. Не звала, не подавала знака. И всё же Дмитрию показалось, что он видит конец разговора, который начался без него.

— Я не могу сейчас объяснить, — сказал Павел.

— Тогда не уходи.

Павел поднял бокал, но пить не стал. Осторожно поставил его на стол, словно боялся расплескать то, чего там уже почти не осталось.

— Ты сохранишь?

Дмитрий кивнул. Ему хотелось остановить друга, добиться хоть одного внятного ответа. Вместо этого он вспомнил своё «позже» в сообщениях и промолчал.

Павел встал. У стойки женщина взяла его под руку; он сам подался ей навстречу. У выхода обернулся и коротко взглянул на Дмитрия. Никакой просьбы о помощи в этом взгляде не было. Через секунду они скрылись за дверью.

Ночью Дмитрий проснулся от необычной тишины.

За его окном всегда гудела вывеска круглосуточного магазина. Звук был тонкий, неровный; Дмитрий знал его так хорошо, что перестал замечать. Теперь гудения не было. Не шуршали шины по мокрой улице, не хлопала дверь подъезда, не доносились голоса со двора. Он лежал, вслушиваясь, пока где-то далеко не проехала машина. Тогда Дмитрий убедил себя, что проснулся из-за выключенной вывески, и с трудом уснул снова.

Утром Павел не ответил ни на звонки, ни на сообщения. Дмитрий поехал к нему. Запасной ключ всё ещё лежал там, где Павел велел его хранить после прошлогоднего отпуска.

В квартире было чисто. Чашка сохла у раковины, на столе ровно лежала газета. Шкаф опустел: ни одной рубашки не осталось. Пустовал и ящик, где Павел держал документы. Дмитрий обошёл комнаты ещё раз. На полу ничего не валялось, дверцы не были распахнуты. Павел будто спокойно собрал всё необходимое и ушёл — только почему-то не отвечал человеку, которого вчера просил о помощи.

На лестнице Дмитрий достал телефон. Файл был на месте. Он уже потянулся к наушникам, когда за окном прошёл автобус. Дмитрий видел его сквозь стекло подъездной двери, видел, как дрогнула вода в луже. И на секунду в городе не осталось ни одного звука.

Потом загудела вывеска. Дмитрий убрал телефон в карман и пошёл вниз. Ждать, пока Павел ответит сам, он больше не мог.

Глава 2. Пустое место за столом

Дмитрий вернулся в клуб в тот же вечер.

Он сказал себе, что хочет увидеть запись с камер. Не проверить, не сошёл ли он с ума, а просто получить доказательство, которому можно доверять. Но по дороге через город он всё чаще вспоминал не лицо Павла, а женщину у стойки: как она повернула голову, как задержала на нём взгляд. Воспоминание было почти телесным — будто чужие пальцы скользнули по внутренней стороне запястья и оставили там тепло.

Администратор клуба выслушал его с вежливой скукой.

— Павел Климов. Был здесь вчера. Сидел со мной за столиком.

— Вы были один, — ответил администратор.

— Нет.

Администратор повернул к нему монитор. На записи Дмитрий сидел за столиком у стены, наклонившись к пустому стулу напротив. Он говорил, кивал, иногда улыбался. Его руки двигались так, словно он отвечал кому-то через стол.

— А это? — Дмитрий указал на женщину у стойки.

Администратор прищурился.

— Какая женщина?

На кадре она была: тёмное платье, светлая шея, ладонь на стойке. Её лицо смазалось в движении, хотя остальные фигуры оставались резкими. Она будто повернулась именно в тот миг, когда камера должна была её запечатлеть.

Дмитрий попросил прокрутить запись дальше. Люди проходили мимо его столика и обходили пустой стул по широкой дуге. Одна девушка обернулась на него, нахмурилась, затем поспешно отвела взгляд.

— Вот, — сказал Дмитрий. — Они кого-то обходят.

— Или вас не хотят задеть, — пожал плечами администратор.

Запись кончалась тем, что Дмитрий вставал и уходил один. На экране пустой стул оставался пустым.

Он достал телефон, чтобы показать переписку с Павлом. Последнее сообщение друга — то самое, с аудиофайлом, — ещё было на экране. Дмитрий коснулся его. Строки мигнули, съехали вверх и исчезли, оставив белое поле. Он обновил приложение. Переписки не стало.

Дмитрий записал в блокнот: «Клуб. Администратор отрицает Павла. Камера: пустой стул. Люди его обходят». Дважды подчеркнул последнюю фразу, убрал ручку и только тогда понял, как сильно сжимал её: под ногтем проступила красная полоска.

Дома он несколько минут смотрел на номер Павла, прежде чем позвонить. Ответа не было. Тогда Дмитрий набрал Лидию Антоновну.

— Паша бывал у вас, помните? Чинил радио.

— Конечно, — сказала она. — Такой высокий, всё время с отвёрткой в кармане.

Дмитрий выдохнул. Он не заметил, что задержал дыхание.

— Вы помните, как он говорил?

На другом конце повисла пауза.

— Странный вопрос. Ну… обычно. Голос у него был обычный.

— Вы могли бы узнать его?

— Наверное.

Но Лидия Антоновна говорила неуверенно. Дмитрий попросил её описать смех Павла, и она тихо засмеялась сама.

— Милый мой, я не запоминаю такие вещи. Он чинил радио, мы пили чай. Что тут ещё?

В трубке щёлкнуло. Связь оборвалась.

Дмитрий снова открыл файл, который Павел прислал накануне. Сначала послышались глухой гул, шорохи, далёкий стук. Он надел наушники, увеличил участок, где звук проваливался, и запустил запись ещё раз.

В этом месте не было ни шипения, ни дыхания, ни обычного фонового шума. Не пауза в разговоре — тишина, ровная и плотная, словно кто-то вырезал из записи саму возможность звучать.

Дмитрий снял наушники. В комнате гудел холодильник, за стеной работал телевизор. Всё было на месте.

Он перемотал запись на начало. В наушниках зазвучали голоса в клубе, звон бокалов, низкий смех. Потом — едва слышный вдох. Дмитрий прибавил громкость.

Женский голос произнёс:

— Дмитрий.

Он резко выдернул наушники. В комнате никого не было.

Телефон завибрировал на столе. На экране высветилось имя Лидии Антоновны. Дмитрий ответил.

— Алло?

В трубке было тихо. Он услышал, как на другом конце кто-то дышит, потом — шорох, будто ладонь закрыла микрофон.

— Лидия Антоновна?

Она что-то сказала. Дмитрий видел, как движется индикатор звука, но слов не слышал.

В ту же секунду из наушников, оставшихся на столе, донёсся его собственный голос — приглушённый, испуганный:

— Паша, не уходи.

Дмитрий отдёрнул руку от телефона.

На другом конце Лидия Антоновна наконец заговорила:

— Простите… Я забыла, кому хотела позвонить.

Звонок оборвался. За окном погасла вывеска, и город на миг замолчал.

Глава 3. Ночная пауза

Дмитрий вернулся к записи, когда за окном снова загорелась вывеска. Она мерцала ровно, будто ничего не случилось. Он закрыл шторы, подключил наушники к усилителю и перенёс присланный Павлом файл на рабочий компьютер. Женский голос, произнёсший его имя, оставался в памяти отчётливее самой записи. Дмитрий хотел понять, откуда он взялся.

Сначала он убрал низкий гул дороги, затем осторожно ослабил шум ветра, бившего в микрофон. Возле клуба сигналили машины, кто-то смеялся, под подошвами Павла хрустел песок. Дмитрий слушал короткий отрезок снова и снова, пока не заметил: шум обрывается раньше, чем он ожидал.

Он вывел на экран спектрограмму. Между смехом и следующим автомобильным гудком обнаружились четыре с небольшим секунды абсолютной тишины. Не пауза в разговоре: исчезло всё, вплоть до гула аппаратуры, который обычно остаётся даже ночью. Звуки возвращались по одному. Сначала тонкий звон, похожий на дрожание стекла. Потом шаги Павла. Лишь после них — машины, голоса и музыка из открытой двери клуба.

Дмитрий проверил исходный файл отдельно от очищенной копии. Увеличил границы тишины до отдельных отсчётов, просмотрел служебные данные, сравнил соседние участки. Следов монтажной склейки не было. Запись шла непрерывно; пустота находилась внутри неё.

Он откинулся в кресле. Лидия Антоновна не помнила, кому собиралась позвонить. На улице погасла вывеска, и на миг замолчал город. Теперь у этой паузы появилась длительность, которую можно было измерить.

Дмитрий вернулся к секундам перед провалом и усилил тихий фон. За шумом машин различались два голоса. Женский он узнал сразу, хотя слова оставались неразборчивыми. Дмитрий вспомнил её взгляд: спокойный, задержавшийся на нём чуть дольше, чем позволяла случайность. От воспоминания по шее прошёл жар. Он снял один наушник, досадуя на себя, и почувствовал, как быстро стучит сердце. Страх не мешал желанию услышать её ещё раз, и это было хуже всего.

Он снова надел наушник. Павел ответил ей уже издалека; пришлось усилить голос почти до предела. Сквозь треск прорезались слова:

— У нижнего входа в оранжерею. После полуночи.

Дмитрий записал их на листке и рядом отметил время провала. Непонятно было, называл ли Павел условленное место или повторял чужие слова. Он прослушал фразу ещё трижды. Больше разобрать ничего не удалось.

Ближе к двум часам сидеть в комнате стало трудно. Дмитрий взял телефон, сложил листок вчетверо и вышел на улицу. В круглосуточной лавке за перекрёстком горел свет. За стойкой стоял хозяин, которого Дмитрий знал в лицо. У двери лежала старая собака.

— Вы сегодня ничего странного не заметили? — спросил Дмитрий.

Хозяин посмотрел на него, потом на часы над холодильником. Они показывали час двенадцать.

— Батарейка, наверное, — сказал он. — Хотя я её весной менял. Когда часы остановились, Барсик замолчал. Он обычно на каждого у двери лает, а тут лежал и смотрел на полку. Я подумал, оглох.

Собака приподняла голову, услышав своё имя.

— В лавке кто-нибудь был?

Хозяин нахмурился.

— Был покупатель. Я с ним только что разговаривал, когда это началось. Воды просил или сигареты. — Он потёр переносицу. — Не помню.

— А лицо помните?

— Даже куртку не помню. Помню, где он стоял. Вот здесь. — Хозяин показал на место перед стойкой и опустил руку. — А самого нет в голове.

Дмитрий спросил, когда тот вошёл. Хозяин не знал. На часах телефона было без четверти два; лавочные стрелки упрямо показывали час двенадцать. Дмитрий достал листок и сверил это время со своей пометкой. Совпало.

Обратно он шёл медленно, прислушиваясь к шороху шин на мокром асфальте. Звуков было много, и каждый теперь казался временным. Дома Дмитрий положил рядом листок с пометкой об оранжерее и открыл новый файл. В первой строке написал: «Лидия Антоновна — звонок». Во второй: «Лавка — покупатель».

Он не знал, пропали ли те, о ком забыли. Пока исчезло только воспоминание о них. Дмитрий поставил рядом оба времени и долго смотрел на узкий промежуток между ними. Если тишина повторится, следовало найти тех, кто ещё помнил, с кем разговаривал за секунду до неё.

Глава 4. Учёные степени

К утру Дмитрий перестал искать Павла по имени.

Имя давало слишком мало: объявление о пропаже, две старые публикации и страницу института, где ещё вчера значилась лаборатория Климова. Теперь по ссылке открывалось расписание уборки помещений. Дмитрий записал адрес страницы в тетрадь, хотя уже не был уверен, что в этом есть смысл.

Он стал искать иначе: исчезнувшие мужчины, остановившиеся часы, свидетели, которые сначала говорили уверенно, а через неделю путались в простых подробностях.

Газетная заметка трёхлетней давности рассказывала о преподавателе биологии из другого города. Тот вышел из ресторана без пальто. Коллега догнал его на ступенях и спросил, куда он идёт. Преподаватель ответил: «Меня ждут», улыбнулся и позволил увести себя обратно. Через десять минут он снова вышел — на этот раз незамеченным.

В полицейской сводке возраст был указан неверно. Дмитрий нашёл страницу вуза с фотографией и перечнем статей: преподаватель занимался клеточными мембранами, защитил диссертацию. Когда Дмитрий вернулся к газетной заметке, фразы про пальто там уже не было.

Он открыл обе страницы рядом. Одна утверждала, что мужчина вышел из ресторана. Другая — что из дома.

Дмитрий переписал в тетрадь первый вариант, указав время, когда прочёл его. Потом добавил: «Проверить в бумажной подшивке».

Следующий случай нашёлся на форуме, где родственники пропавших обменивались советами с людьми, никогда никого не искавшими. Шесть лет назад исчез сотрудник промышленной лаборатории. На фотографии он стоял у станка в рабочем халате — широкоплечий мужчина лет пятидесяти. Его жена писала, что накануне он долго разговаривал по телефону с неизвестным и соглашался почти на всё, даже когда не понимал вопроса. В одной ветке она называла его «мой упрямый», в другой спрашивала, есть ли у кого-нибудь запись его голоса.

Одно из поздних сообщений Дмитрий перечитал трижды:

«Помню, как он кашлял. Как говорил — нет. Это же ненормально?»

Под фотографией был список его работ по исследованию растворителей. Диссертации Дмитрий не нашёл. Он оставил случай в тетради и поставил рядом знак вопроса.

Ещё двое мужчин отпали. Один занимался перепродажей лабораторного оборудования, но к исследованиям отношения не имел. О другом в нескольких статьях писали как об учёном, хотя он был администратором научного центра. Все статьи повторяли одну и ту же ошибку. Их исчезновения могли объясняться чем угодно. Дмитрий зачеркнул имена и ощутил почти облегчение.

У подтверждённых случаев пока не совпадали ни города, ни возраст, ни обстоятельства. Один исчез с вечеринки, другой — по дороге на работу, третий оставил на кухонном столе чашку с недопитым чаем. Но за каждым, кого удалось проверить, стояла работа в химии, биологии или физике. У Павла была степень по химии. Дмитрий написал его имя внизу страницы и долго смотрел на почерк.

От экрана болели глаза. Дмитрий закрыл их и увидел женщину из клуба — не лицо целиком, а линию шеи над тёмным воротом. В памяти сохранилось ощущение её близости: тепло у плеча, едва уловимый запах, от которого хотелось податься навстречу. Дмитрий открыл глаза. Пальцы крепко сжимали ручку. Он не помнил, когда снял колпачок.

За окном прошёл трамвай. Звон рельсов оборвался так чисто, будто кто-то вырезал кусок плёнки.

Дмитрий не двигался. Он чувствовал, как втягивает воздух, но не слышал собственного дыхания. Потом трамвай зазвенел снова, уже дальше по улице.

Он записал время по часам компьютера и сверил его с наручными. Разница составляла шесть секунд.

После полудня он добрался до оцифрованного каталога старых дел. Там не было текстов, только фотографии карточек: жёлтый картон, штампы, чужие пометки на полях. Поиск по слову «физик» выдал одиннадцать записей. На четырёх карточках фамилии читались плохо. Дмитрий открывал их одну за другой, увеличивая снимки, пока буквы не расплывались в пятна.

На последней карточке графа «Ф. И. О.» была стёрта. Кто-то провёл по ней ластиком с таким нажимом, что бумага истончилась и пропускала свет сканера. Ниже сохранилась запись: «кандидат физико-математических наук». Дата исчезновения — 18 октября 2015 года.

На обороте была короткая запись, сделанная другими чернилами:

«В день исчезновения зафиксирована остановка городских часов. 00:17:12–00:17:18. Причина не установлена».

Шесть секунд.

Дмитрий посмотрел на наручные часы, на запись, сделанную после трамвая, и на старую карточку. В нижнем углу снимка проступал след ещё одной строки. Он увеличил изображение, но различил только вдавленные буквы: «ранее…»

Страница мигнула. Когда она загрузилась снова, оборот карточки оказался пустым.

Глава 5. Проявитель

Дмитрий снова перевернул карточку. На обороте осталась только вдавленная карандашная полоска: когда-то карточка лежала под листом, исписанным твёрдой рукой. Он поднёс её к лампе, повернул боком. Ещё несколько минут назад здесь можно было прочесть адрес лаборатории и дату. Теперь бумага была чистой.

Он убрал карточку в конверт. До городского фотоархива можно было дойти пешком.

Инга Савельева приняла его в комнате, где пахло картоном и слабым раствором уксуса. На подоконнике сохли вымытые стеклянные пластины. Дмитрий показал ей карточку и назвал фамилию физика.

— Снимок в личном деле мог быть отсюда, — сказал он. — Мне нужны фотографии того времени. И негативы, если сохранились.

Инга посмотрела на пустой оборот.

— Карточка не даёт права на выдачу оригиналов.

— Я и не прошу их вынести.

Она задержала взгляд на конверте, потом попросила повторить фамилию. За соседним столом работала сотрудница; Инга говорила тихо, будто не хотела отвлекать её разговором, который сама считала бесполезным.

Через полчаса они сидели перед световым столом. Сначала Инга принесла папку с ведомственной съёмкой: собрания, вручения грамот, люди возле приборов. Дмитрий узнал физика на групповом снимке. Тот стоял у края, неловко держа свёрнутую газету. Рядом с ним была женщина в светлом пальто.

Она смотрела не в объектив, а чуть левее — на человека за камерой. Дмитрий сперва заметил только её красоту; пальто и короткая стрижка остались для него на втором плане. Потом он увидел её на другом снимке, среди гостей летнего приёма. Волосы были уложены высоко, платье открывало плечи. Мужчина рядом улыбался фотографу.

— Это разные годы, — сказала Инга. — Между кадрами почти тридцать лет.

Она достала коробку с отпечатками, принесённую вместе с папкой, и быстро перебрала разделители. На третьем снимке женщина стояла у автомобиля. На ней была узкая шляпа; позади виднелась улица с трамвайными путями. Линия подбородка и спокойный взгляд оставались прежними. Возраст по её лицу определить было невозможно.

— Может быть, родственницы, — сказала Инга.

Дмитрий не возразил. Он назвал фамилии мужчин с первых двух снимков. Инга сверилась с подписями на конвертах и подняла на него глаза.

— Откуда вы знаете второго?

— Искал сведения о первом. Нашёл заметку об исчезновении. Во второй фамилии ошибиться трудно.

Инга отодвинула фотографию. Скепсис не исчез с её лица, но теперь она разложила отпечатки по датам и сама пошла за журналами. Два имени нашлись в старых подписях; рядом с одним позднее сделали пометку «не разыскан». Дмитрий назвал фамилию мужчины с третьего снимка. Он помнил её по газетной вырезке: этот мужчина исчез через несколько недель после съёмки. В архиве сведений о нём не нашлось.

— Трое ещё не закономерность, — сказала Инга.

— Я согласен.

Она достала лупу. Лицо женщины на снимке у автомобиля пересекала белая царапина. На более позднем отпечатке её черты расплылись, хотя воротник, серьги и лица остальных людей оставались резкими. На обороте самого раннего снимка кто-то аккуратно выскоблил бумагу там, где должна была стоять подпись под её фигурой.

Инга нашла негативы к двум кадрам и положила первый на стекло. Под увеличением стало видно: эмульсия повреждена возле плеча мужчины. Тонкий неровный участок тянулся к краю, минуя лица остальных. На втором негативе рядом с мужской фигурой осталось прозрачное пятно, будто с плёнки сняли небольшой слой изображения.

— Повредили при хранении? — спросил Дмитрий.

— Возможно. Только я не понимаю, чем. И почему оба раза именно здесь.

Она указала карандашом, не касаясь плёнки. Потом открыла журнал на чистой странице и записала номера коробок и негативов, даты съёмок, вид повреждений. Дмитрий следил за её рукой. После пустой карточки ему хотелось проверить, останутся ли слова на бумаге.

— Можно сделать копии?

— Заявку оформим. Негативы останутся у нас.

Инга записала и номер третьей коробки, хотя нужный негатив ещё не нашла. Для поиска требовалось поднять соседние поступления, проверить старые номера. Она говорила уже без прежней сдержанной вежливости, сосредоточенно — как человек, которому попалась работа, не укладывающаяся в каталог.

В коридоре выключили часть света: архив закрывался. Инга убрала плёнку в конверт, но, прежде чем заклеить клапан, снова поднесла негатив к лампе. Дмитрий увидел мужчину у автомобиля, женщину в шляпе и прозрачный изъян между ними.

— Подождите, — сказала Инга.

Она раскрыла журнал на только что заполненной странице. В последней строке описание изъяна осталось на месте. А номер негатива исчез. Инга провела пальцем над бумагой, не прикасаясь к ней.

Дмитрий хотел показать ей карточку. В этот момент за дверью послышались шаги, и кто-то остановился у порога.

— Вы ждёте ещё кого-нибудь? — спросил он.

Инга покачала головой. Они смотрели на матовое стекло двери. За ним стояла неподвижная фигура в светлом пальто.

Глава 6. Сохранить голос

Инга первой подошла к двери. Светлое пятно за матовым стеклом оставалось неподвижным. Дмитрий различал линию плеча, рукав, опущенную руку. Если это была рука.

— Не открывай, — сказал он.

Инга уже коснулась ручки. Пальцы задержались на металле, потом она отступила. В тесном проходе её плечо прижалось к его груди. Дмитрий почувствовал тепло сквозь ткань пальто и запах холодного воздуха в её волосах. Несколько секунд они стояли так, глядя на дверь.

Под потолком щёлкнула лампа. Светлое пятно исчезло.

Дмитрий распахнул дверь. За ней был пустой коридор: мокрые следы у лестницы, ведро возле стены, тусклая полоска света из-под двери дальнего кабинета. Он присел, пытаясь понять, куда ведут следы. Все они выглядели одинаково старыми.

— Ты тоже видела пальто? — спросил он.

Инга смотрела на стекло распахнутой двери.

— Я видела, что там кто-то стоял.

Дома Дмитрий не стал снимать ботинки. Поставил чайник и сел за кухонный стол с тетрадью. Пока вода нагревалась, он записал имя Павла на первой строке. Потом — ещё раз, ниже. Во второй раз буква «в» вышла чужой.

Павел придерживал стакан двумя пальцами за край, даже если чай был горячим. Смеялся коротко, почти беззвучно, а потом вдруг выдыхал остаток смеха носом. Когда слушал, поднимал брови и смотрел мимо собеседника, будто сверял сказанное с чем-то в комнате. Ключи носил в правом кармане. Или в левом: Дмитрий помнил, как Павел хлопал себя по боку, разыскивая их, но не мог вспомнить, по какому.

Чайник выключился. Дмитрий записал и это: «При нём часто закипал чайник». Строчка показалась глупой. Он хотел её вычеркнуть, но оставил.

Последняя ссора случилась у подъезда. Павел говорил быстро, глотая окончания. Дмитрий помнил треснувшую плитку под ногой и пакет с хлебом, врезавшийся ему в пальцы. Помнил, как сказал: «Ты опять начинаешь». В ответ Павел, кажется, попросил помочь ему с исследованием: принести какие-то бумаги, посмотреть старые планы. Дмитрий отмахнулся.

Он перевернул страницу и записал: «Хотел рассказать мне о городе».

На обеих страницах повторялось одно и то же воспоминание. Павел стоял слишком близко, сердился, но не уходил. Дмитрий не мог решить, за что именно теперь просить у него прощения: за отказ помочь или за то, что не дослушал. Он долго водил ручкой над бумагой, пока на лист не упала капля чернил.

К Лидии Антоновне он пришёл, когда в окнах первого этажа уже погас свет. Она открыла не сразу. На ней был домашний жакет с тёмной пуговицей, пришитой вместо светлой.

— Руки ледяные, — сказала она, взяв его за запястье. — Проходи.

В квартире пахло чаем и прогретой пылью. На подоконнике лежали сложенные газеты, возле батареи сохли варежки. Лидия Антоновна усадила его поближе к кухонной лампе, поставила перед ним блюдце с печеньем. Одно печенье было надломлено; его она положила себе. Дмитрий узнал этот маленький порядок вещей и впервые за день снял пальто.

Он рассказал о тетради. О том, что помнит смех Павла, но уже не уверен, как тот звучал.

Лидия Антоновна накрыла его руку своей. Ладонь была сухой и тёплой.

— Подожди, — сказала она.

Автоответчик стоял в комнате, у телефона. Лидия Антоновна нажала одну кнопку, потом другую. Раздался шорох, чей-то обрывистый вдох. Дмитрий подался вперёд.

— Лидия Антоновна, это Паша. Я задержусь. Чай без меня не убирайте. И Диме скажите, что я позвоню. Ладно?

На последнем слове Павел чуть усмехнулся. Дмитрий сразу узнал эту усмешку. Он закрыл глаза и увидел, как Павел стоит у чужого телефона, мнёт свободной рукой край рукава и ждёт сигнала, чтобы повесить трубку. Рукав Дмитрий представил ясно, хотя не знал, во что Павел тогда был одет.

Они прослушали сообщение ещё раз. Лидия Антоновна молчала, опустив пальцы на крышку аппарата. Дмитрий сидел рядом. В короткой паузе после слова «ладно» им обоим хотелось ответить.

Он остался ночевать на диване. Утром Лидия Антоновна долго возилась на кухне с ложками. Чай пах так же, как накануне, только печенье она забыла достать.

Дмитрий включил запись. Павел назвал себя, попросил не убирать чай. Лидия Антоновна остановилась в дверях, держа две чашки.

— Чей это голос? — спросила она.

Дмитрий посмотрел на автоответчик. Кнопка воспроизведения поднялась с тихим щелчком. Он назвал Павла и взял у неё одну чашку. Лидия Антоновна кивнула, но по-прежнему смотрела на аппарат, словно ждала, что голос назовётся ещё раз.

В тетради Дмитрий записал дату. Ниже: «Сегодня она не узнала его». Он хотел дописать, каким был Павел, и не смог выбрать ни одной подробности, которой верил бы так же твёрдо, как вчера. Дмитрий оставил страницу открытой. Память о Павле слабела; запись сохраняла его голос. Пока это было единственное надёжное свидетельство.

Глава 7. Приглашение

В парке было тихо. Под ногами шуршали листья, а где-то вдали шумел город. Он заметил её сразу: девушка сидела на скамейке, обхватив колени руками, и смотрела вдаль, словно видела то, чего не было в этом мире.

Её силуэт будто вырезали из темноты. В полумраке светились только глаза — два маленьких фонаря.

— Простите, — сказал он, остановившись рядом. — Вы не замёрзли?

Она повернула голову, и он замер. В её глазах отражались фонари, но казалось, сияние шло изнутри.

— Немного, — ответила она. Голос прозвучал мелодично.

— Может, прогуляемся? Или, если хотите, я провожу вас домой.

Она улыбнулась так, как улыбаются только тем, кто уже обречён.

— У меня нет дома. Но если вы не торопитесь, можем пройтись.

Они шли по пустынным аллеям, и с каждым шагом он всё яснее понимал: эта встреча неслучайна. Она рассказывала о себе — ничего конкретного, лишь намёки и полутона. А он слушал, заворожённый её голосом, запахом, движениями.

К концу прогулки она назвала адрес.

— Хотите зайти? — спросила она, когда они остановились у подъезда старой многоэтажки.

Он кивнул, не в силах произнести ни слова.

В её квартире было тепло и сумрачно. Она включила чайник, и он увидел, как по её фигуре скользят тени.

В её квартире было тепло и сумрачно. Она включила чайник, и он увидел, как тени скользят по её фигуре.

— Раздевайся, а чай потом попьёшь. Вы же, люди, любите пить чай, — прошептала она, и это прозвучало как приказ.

Платье само соскользнуло с Ады, и она осталась нагой — ослепительно прекрасной. По её подтянутой фигуре было видно, что она много занимается спортом; особенно хороши были бёдра.

Под шипение чайника, до которого уже никому не было дела, Ада сделала несколько лёгких танцевальных движений. Он не ожидал от неё такой прыти, но подчинился, чувствуя, как внутри растёт желание. Странную фразу про «вы же, люди» он даже не заметил.

Она двигалась плавно, словно продолжала танцевать. Её кожа будто светилась в полумраке, а прикосновения обжигали, как электрические разряды. Он неистово целовал и лизал её тело, касался руками, прижимался к ней, пытаясь найти ту самую точку, где она сломается, станет такой же уязвимой, как он.

Она встала локтями на край кровати и коротко, монотонно произнесла:

— Войди! Еби меня.

Она была прекрасна, как из самых лучших эротических фантазий.

Её тело становилось всё более реальным и в то же время каким-то неземным. Он чувствовал, как холод проникает под кожу, словно она и вправду была не из этого мира, но он уже не мог остановиться, а продолжал её трахать, выкрикивая нелепые звуки.

Он пытался довести её до оргазма, но всякий раз, когда казалось, что она вот-вот достигнет вершины, Ада отстранялась, будто дразня его.

— Что-то не так? — спросил он, задыхаясь от желания.

— Всё так, — ответила она, прижимая его к кровати. — Просто ты не можешь меня коснуться по-настоящему.

Её слова прозвучали как приговор.

Она продолжала двигаться на нём, но теперь он чувствовал: что-то изменилось. Её тело стало... другим.

Он кончил настолько бурно, что потемнело в глазах, и выкрикнул её имя, но она лишь улыбнулась.

— Ты даже не представляешь, насколько близок к истине, — прошептала она, склонившись к его уху. — Но ты никогда не узнаешь.

Её пальцы скользнули по его груди, и он снова почувствовал холод под кожей.

— Теперь ты мой, — произнесла она с такой уверенностью, что он не смог пошевелиться.

Она склонилась над ним, и в этот миг он увидел то, чего не должен был видеть: её глаза светились в темноте, а кожа казалась прозрачной, словно лунный свет проходил сквозь неё.

— Отдохни, — прошептала она, целуя его в лоб. — Завтра будет новый день.

А она смотрела на него, и в её глазах отражалась вечность.

Глава 8. Портрет без даты

Дмитрий оставил тетрадь открытой на столе. Ночью он дважды подходил к ней, будто надеялся увидеть между строк то, чего не сумел расслышать в молчании Лидии Антоновны после того, как прозвучал голос Павла. Утром на полях обнаружилось продавленное пером слово с предыдущей страницы. Дмитрий не стал разбирать его: зазвонил телефон.

Инга сообщила, что номер негатива исчез из регистрационного журнала. Его не зачеркнули и не вымарали: в ряду номеров остался пропуск. При этом запись о повреждении плёнки сохранилась — с тем же номером и пометкой о царапинах.

— Вчера я искала самый ранний снимок, которому можно верить. С датой не на конверте — тот могли заменить. Приезжай.

В архиве пахло картоном и холодной пылью. За матовым стеклом двери никого не было, но Дмитрий всё же задержал на нём взгляд. Инга это заметила, однако ничего не спросила. Она разложила на столе описи, пачку конвертов и узкую полоску бумаги с выписанными номерами.

Они перебирали фотографии до полудня. На одних дата значилась только в поздней подписи, другие попали в архив вместе с чужими снимками. Инга откладывала их без сожаления. Нужный отпечаток нашёлся в коробке с университетскими материалами: у входа в старый корпус стоял мужчина в тёмном пальто, прижимая к боку папку. Над дверью виднелась часть вывески. Год подтверждала университетская опись, составленная вскоре после съёмки.

Мужчина смотрел прямо в объектив — с неловким терпением человека, которого попросили задержаться на минуту. Рядом стояла женщина в светлом пальто. Дмитрий узнал её прежде, чем придвинул снимок к лампе: по повороту головы, по линии рта, знакомой по фотографиям, сделанным много лет спустя. Но здесь лицо перечёркивали тонкие светлые полосы.

— Это те самые царапины? — спросил он.

Инга взяла лупу. Повреждения пересекали только лицо женщины. Воротник её пальто и плечо физика, стоявшего вплотную к ней, остались нетронутыми.

— Похоже, по нему прошлись иглой. Остальные снимки повреждены иначе. И на них её лицо видно.

Дмитрий отодвинул фотографию, потом снова придвинул. На поздних отпечатках женщина стояла на вокзальной платформе, у окна квартиры, в толпе возле кинотеатра. Менялись причёски, одежда, зерно плёнки, но всякий раз он узнавал её без труда. На этом снимке кто-то оставил достаточно, чтобы её можно было узнать и здесь.

В папке физика лежали выписки из университетских документов. Через неделю после съёмки он исчез. Датой исчезновения считался день, когда его не дождались на работе; что произошло раньше, документы не сообщали. Позднее коллег расспрашивали о его занятиях. Несколько человек помнили, в какой лаборатории он работал и когда обычно приходил, но никто не смог сказать, над чем именно он работал. На расходных накладных сохранилась его подпись. Графы назначения оставались пустыми.

— Он мог не заполнять их сам, — сказала Инга. — А люди могли забыть.

— Или бумаги уже попали сюда такими.

Она кивнула. Дмитрий понимал: связь между исчезновением человека, пустыми графами и женщиной на снимке пока держалась лишь на том, что всё это лежало перед ними на одном столе. Совпадение, порча архива, последствия чьего-то намеренного изъятия — для каждого объяснения оставалось место.

Инга перевернула отпечаток. На обороте, под старым клеевым следом, карандашом было написано одно слово: «Ада». Там, где за фотографию брались пальцами, буквы почти стёрлись.

— Имя? — спросил Дмитрий.

— Может быть. Или пометка фотографа. Даже неизвестно, когда её сделали.

Он повторил слово про себя и почувствовал, как возвращается взгляд женщины. На миг вспомнилось тепло её близости, оставшееся в памяти отчётливее любых черт. Дмитрий убрал руку с края стола. Ему хотелось найти её; вместе с желанием пришёл страх, а за ним — тревожное ожидание встречи. Он заставил себя снова посмотреть на накладные.

— Начнём с того, кто сдавал эту коробку. Потом проверим университетский архив.

— Я помогу, — сказала Инга.

Она вложила снимок обратно в конверт прежде, чем Дмитрий успел попросить его.

— Оригинал останется здесь.

В своей тетради Инга составила опись: снимок, оборот, повреждения, соседние документы. Номер коробки записала отдельной строкой и закрыла тетрадь ладонью, дожидаясь, пока высохнут чернила.

На улице уже темнело. Дмитрий ещё раз взглянул на матовое стекло двери; за ним угадывались только шкафы. Он сказал Инге, что вечером сверит фамилию физика с накладными. О том, что даже теперь, наметив следующий шаг, всё чаще думает о встрече с женщиной, он не сказал.

Глава 9. Разговор у окна

От архива Дмитрий пошёл пешком. Женщина в светлом пальто снова стояла за матовым стеклом — он знал это, хотя не обернулся. У перекрёстка он зашёл в кафе, куда заглядывал по вечерам, когда работа затягивалась.

Он заказал чай и сел у окна. Листок с фамилией физика лежал в кармане; Дмитрий не доставал его. На столе остались следы прежнего посетителя: блюдце с крошками, перевёрнутая чашка. Он смотрел, как за стеклом загораются окна напротив.

— Здесь свободно?

Женщина уже стояла у его стола. Тёмное платье, светлая шея. Она сама придвинула стул и села, не дожидаясь ответа, — так легко, будто в кафе больше никого не было.

— Вы меня ждали, — сказал Дмитрий.

— Нет. — Она отодвинула блюдце с крошками к краю стола. — Вы ждали меня. Мы просто оба оказались правы.

Она говорила негромко. Дмитрий слушал её так, как слушают музыку: не пытаясь запомнить слова, а отдаваясь им. Он положил руку на карман с листком и почувствовал, что пальцы дрожат.

— Вы знаете, чем я занимаюсь.

— Вы реставрируете записи. Возвращаете голоса тех, кого больше не существует. — Она чуть наклонила голову. — Мне интересно: можно ли вернуть голос, если никто не помнит, кому он принадлежал?

— Голос — это колебания. Они сохраняются на носителе независимо от памяти.

— А человек?

Дмитрий промолчал. Он уже понимал, к чему ведёт вопрос, и злился на себя за это.

— Запись хранит не человека, — сказал он наконец. — Она хранит след. Человек — это то, что помнят о нём другие. И то, что помнит он сам.

— Хорошая мысль. — Она посмотрела в окно. — Правда?

За стеклом проехал трамвай. Дмитрий взглянул на женщину и снова встретился с ней глазами — спокойными, чуть насмешливыми, словно она давно знала ответ на его вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.